

ДИЛЯРА М. УСМАНОВА

КОНТАКТЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ
И ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ ТАТАР В ПЕРВОЙ
ТРЕТИ XX В.: КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
В МУСУЛЬМАНСКОЙ УММЕ РОССИИ

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена проблеме характера и каналов коммуникации внутри мусульманской уммы в первой трети XX столетия в Российской империи и государственных образованиях, возникших после ее распада. Какими были связи волго-уральских и польско-литовских татар в этот период? Должна ли идти речь об эпизодических контактах или же это была долговременная и постоянная коммуникация? Осознавали ли волго-уральские и польско-литовские татары себя частью единой «мусульманской уммы» или же региональная идентичность была сильнее? Насколько они были осведомлены о проблемах, интересах, истории и культуре друг друга? Какие тенденции были сильнее – центробежные или центростремительные (объединительные)? Эти вопросы служат теми исследовательскими задачами, которые будут рассмотрены в статье.

В статье используются термины «волго-уральские» и «польско-литовские» татары для обозначения двух субэтнических групп татарского этноса. Первая группа включает в себя т. н. казанских татар, нижегородских, уральских и иных – мишарей, тептярей, касимовских татар и пр. Термин «польско-литовские татары» является наиболее употребительным в отечественной историографической традиции в отношении трех относительно самостоятельных (на сегодняшний день, т. е. в начале XXI столетия) групп – польских, литовских и белорусских татар. Однако подобное разделение во многом является результатом политических катаклизмов и перемен, административных пертурбаций, произошедших во второй четверти – середине XX столетия. Но поскольку столетие назад, т. е. в начале XX века, между этими тремя группами не было такой принципиальной разницы, то в их отношении будет использоваться устоявшееся выражение «польско-литовские татары».

На первый взгляд создается впечатление, что все препятствовало взаимоотношениям этих двух суб-этнических групп:

- обширность территории Российской империи и значительные расстояния между Литвой и Поволжьем;
- языковой барьер (известно, что польско-литовские татары давно потеряли исконный тюркский язык и в качестве родного адаптировали языки

тех народов, в чьей доминирующей среде они проживали, – белорусский, польский, литовский или русский);

- различный образ жизни, разные традиции.

К тому же, вплоть до начала XX столетия российские мусульмане, как и большинство жителей Российской империи, отличались слабой мобильностью. Более-менее значительные миграции волго-уральских татар происходили, как правило, в восточном направлении. До конца XVIII столетия это было, в основном, «бегство» казанских татар от насильственной христианизации на восточные окраины: в Приуралье и на Урал, в степную зону (казахские степи), позднее – в Центральную Азию. На протяжении XIX столетия эта миграция поощрялась имперскими властями, использовавшими в своих экспансионистских целях (в начале и середине XIX столетия Россия сначала интенсивно готовилась к проникновению в Среднюю Азию, а затем приступила к активной фазе ее завоевания). Западные окраины Российской империи были «освоены» волго-уральскими татарами не столь успешно. Тем не менее, в нашей истории были периоды, когда это взаимодействие польско-литовских и волго-уральских татар было наиболее активным, интенсивным и плодотворным – речь идет о первой трети XX столетия.

В этом взаимодействии можно выделить несколько этапов:

1. начало XX столетия, особенно 1905–1913 гг. На этом этапе основным проводником идеи взаимодействия выступает студенческая молодежь, а также разнообразные столичные культурно-просветительские и благотворительные организации, в которых она принимала участие¹ (Джемиль Александрович);
2. 1914–1917 гг. – в период мировой войны главным фактором интеграции выступают беженцы со своими проблемами (Александр М. Ахматович);
3. 1917–1920 гг. – период революций и гражданской войны, в ходе которой многие общественные деятели и военные из числа польско-литовских татар оказались в орбите революционных событий (на восточных окраинах бывшей империи, т. е. в Крыму, Поволжье, Азербайджане и пр.; братья Кричинские, Александр/Искандер Тальковский², Матвей Сулькевич и др.³);

¹ По свидетельству Леона Кричинского, в 1913–1914 гг. из 118 членов «Варшавского мусульманского общества помощи бедным мусульманам» 85 человек были выходцами из Крыма, Кавказа и Идель-Урала. Подробнее см.: *Kryczyński L. Tatarzy polscy a Wschód muzułmański // Rocznik Tatarski. Zamość, 1935. Т. II, s. 74–75.*

² *Гришин Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). Казань, 1995; Гришин Я., Шарафутдинов Д. Безупречный генерал Искандер Тальковский // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. № 3/4, с. 162–165.*

³ И. Тальковский и М. Сулькевич являются, пожалуй, наиболее известными татарами польско-литовского происхождения, о которых существует довольно многочисленная истори-

4. в 1920–1930 гг. на западе бывшей Российской империи татары оказались разделенными между тремя самостоятельными государствами: СССР, Польшей, Литвой. На этом этапе важным является такой фактор, как идеологическая эмиграция российских мусульман, видные представители которой оказываются в Балтийском регионе и Польше (Гаяз Исхаки, Гаян Ваисов и др.)

Говоря о контактах внутри мусульманского сообщества, следует отметить еще одну их особенность: в основном они выстраивались усилиями отдельных личностей. Таким образом, можно говорить о достаточно высокой степени персонафицированности этих контактов, особенно в начале XX столетия. Поэтому в данной работе каждый из обозначенных этапов будет охарактеризован через биографии и судьбы конкретных исторических персонажей – Джемиля Александровича, Александра Ахматовича, Гаяза Исхаки и Гаяна Ваисова.

История и волго-уральских, и польско-литовских татар исследована, казалось бы, достаточно хорошо. Несмотря на относительно большое количество работ общего характера, проблема контактов и характера взаимосвязи между этими двумя общинами изучена еще слабо⁴. Тем не менее, возможности для этого большие⁵, так как не только очевидно научное значение таких исследований, но и имеется обширный комплекс вполне репрезентативных источников. К ним можно отнести архивные документы из литовских и российских архивов, по большей части еще не вовлеченные в научный оборот, материалы периодической печати (особенно выходившей на татарском языке), а также работы самих деятелей той эпохи – Леона Кричинского, Джемиля Александровича и др.

ография, поэтому в данной статье не буду на них останавливаться подробно. Подробнее об их участии в национальном движении в революционную эпоху см.: *Исхаков С.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). Москва, 2004.

⁴ К сожалению, даже в обстоятельной энциклопедии, появившейся совсем недавно, материал в основном опирается на местные источники, а картина контактов и коммуникации литовских татар со своими собратьями из других регионов практически не показана. Подробнее см.: *Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А.* Литовские татары в истории и культуре. Каунас, 2012.

⁵ К числу подобных работ можно отнести публикации Я. Я. Гришина и мои собственные статьи. Подробнее см.: *Гришин Я., Шарафутдинов Д.* Безупречный генерал Искандер Тальковский // *Гасырлар авазы – Эхо веков.* 1998. № 3/4, с. 162–165; *Усманова Д.* Ваисовцы в Литве // *Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai.* Sud. T. Vairašauskaitė, H. Kobeckaitė, G. Miškinienė. Vilnius, 2008. Specialusis „Lietuvos istorijos studijų“ leidinys. Т. 6, р. 253–262; *Усманова Д.* Документы по истории польско-литовских татар из архива Литвы. Следственное дело Ольгерда-Найман-Мирза Кричинского // *Гасырлар авазы – Эхо веков.* 2008. № 2, с. 136–146; *Усманова Д.* Кричинский Леон Найман-Мирза Константинович // *Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь.* Москва, 2009, с. 112; *Усманова Д.* Кричинский Ольгерд-Найман-Мирза Константинович // *Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь.* Москва, 2009, с. 113.

ХАРАКТЕР КОММУНИКАЦИИ В МУСУЛЬМАНСКОЙ СРЕДЕ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Любое меньшинство, как правило, демонстрирует сильное стремление к объединению и (само)консолидации. Польско-литовские татары, попадавшие за пределы своей «малой исторической родины», также демонстрировали стремление к единению и обособлению, свидетельством чего является существование общин, землячеств, союзов на национально-территориальной основе. В этом отношении показательно полулегальное объединение студентов столичных вузов, этнических татар, выходцев из западных областей Российской империи, существовавшее в Петрограде в 1907–1910 гг. под названием «Союз польско-мусульманских студентов»⁶. В состав Союза входили университетские студенты – юристы братья Ольгерд и Леон Кричинские⁷ (Варшава), Матвей Байрашевский (Вильно), Е. Милкаманович (Гродно), Яков Шафаревич (Минск), студент отделения восточных языков Калино (Ковно), студент естественного факультета Тальковский (Вильно). Помимо университетских, в «Союз» входили студент Института путей сообщения Ян Кричинский, студенты Технологического института Яков Шинкевич⁸ и Александрович; а также студентка Медицинского института Хелена Байрашевская (Вильно), слушательница Высших (Бестужевских) курсов Богдановичовна (Гродно). Целью Союза было объединение мусульманских студентов для защиты культурно-просветительских интересов и проведения исследований по истории польско-литовских татар. Такая цель общества вполне объяснима в свете того, что рубеж XIX–XX вв. был временем активного национального пробуждения, периодом становления и формирования национальной (этнической)

⁶ Усманова Д. Союз польско-мусульманских студентов // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. Москва, 2009, с. 216.

⁷ Биографии братьев Леона и Ольгерда Кричинских подробнее см.: Leon Najman Mirza Kryczyński lider ruchu kulturalnego Tatarów polskich. Gdańsk-Gdynia, 1998; *Tyszkiewicz J.* Leon Kryczyński jako redaktor „Rocznika Tatarskiego“ // *Z historii Tatarów polskich 1794–1944.* Pułtusk, 2002, s. 129–137; Усманова Д. Документы по истории польско-литовских татар из архива Литвы. Следственное дело Ольгерда-Найман-Мирза Кричинского // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 2, с. 136–146; Усманова Д. Кричинский Леон Найман-Мирза Константинович // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. Москва, 2009, с. 112; Там же, с. 113; Якубаускас А. Кричинский Леон Найман Мирза и Кричинский Ольгерд Найман Мирза // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. Каунас, 2012, с. 292–294.

⁸ Якуб Шинкевич (16 апреля 1884 – 1 ноября 1966) после окончания реального училища в Минске (1904) поступил в Санкт-Петербургский технологический институт, затем перевелся (1910) на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Будучи студентом четвертого курса, был призван в армию. Образование завершил уже в Германии. Подробнее см.: Якубаускас А. Шинкевич Якуб // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. Каунас, 2012, с. 385.

идентичности, сочетавшейся на окраинах империи с идеей национальной автономии. Собрания проходили в виде дискуссионных клубов. Члены Союза обсуждали также и общероссийские политические проблемы, о чем свидетельствует составление записки под названием «Взгляд литовских татар на политическое положение мусульманских народов России»⁹. Документы, связанные с деятельностью Союза польско-мусульманских студентов, хранились в личном архиве Леона Кричинского и, вероятно, погибли вместе с ним в начальный период Второй мировой войны. Кроме того, члены студенческого сообщества сотрудничали с другими мусульманскими организациями Санкт-Петербурга, входили в состав мусульманских культурно-просветительских и благотворительных организаций, принимали участие в собраниях, проходивших под руководством Захида Шамиля. Помимо этого, петербургские студенты, польско-литовские татары, состояли в переписке со студентами-земляками, обучавшимися в других российских городах (Москве, Киеве и пр.). Особенно интенсивно эта переписка велась с Алескером Мухарским (Киев) и Джемилом Александровичем (Москва).

Фигура литовского татарина Джемиля Александровича (в середине 1920-х гг. – Джамиль Александрович-Насыфи)¹⁰ весьма примечательна и показательна в контексте данной статьи. В годы обучения в московском институте он был весьма активен, входил в состав различных мусульманских организаций, участвовал в составлении и издании «Первого мусульманского сборника» (Москва, 1907), в котором опубликовал статью «К вопросу о происхождении мусульман Литвы и Польши». Впоследствии занимался публицистической, научной и общественной деятельностью. В частности, в 1914–1917 гг. Джемиль Александрович был одним из инициаторов создания Общества по изучению истории, литературы, быта и нравов мусульман России (Общество изучения мусульманских народностей России¹¹). Хотя устав был утвержден в мае 1914 г., само общество начало функционировать осенью 1914 г.¹², поскольку инициаторами и активными членами данного общества выступила татарская молодежь, обучавшаяся в московских ву-

⁹ Документ хранился в личном архиве Леона Кричинского. Подробнее см.: *Kryczyński L. Tatarzy polscy a Wschód muzułmański // Rocznik Tatarski. Zamość, 1935. T. II, s. 75–76.*

¹⁰ К сожалению, в довольно обстоятельном энциклопедическом сборнике (*Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. Каунас, 2012*) не нашлось места для биографии Джемиля Александровича. Другой «изъян» данного сборника состоит в его недостаточном академизме, в отсутствии необходимого для любого научного издания справочно-ссылочного аппарата.

¹¹ *Исхаков С. Общество по изучению истории, литературы, быта и нравов мусульман России // Ислам в Москве: энциклопедический словарь. Москва, 2008, с. 191–192.*

¹² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 821, оп. 133, д. 473, л. 540–546.

зах (к 1913 г. общая их численность составляла почти 100 человек). В правление входили Х. Байбеков, Дж. Александрович, Г. Асанович, Махмудов и др.¹³ Данное общество стало первой научной организацией, возникшей в среде российских мусульман, имевшей научно-просветительский характер, широкую программу, основанную на стремлении мусульман страны установить между собой тесное духовное общение. В уставе было сказано, что общество ставит своей целью способствовать распространению «правильных понятий о мусульманах, об их прошлом и настоящем». В начале 1917 г. в руководящий Совет общества входили: коммерсант Хусаин Байбеков (председатель), банковский служащий Абдулла Бурнашев (заместитель председателя), публицист Джемил Александрович (секретарь), писатель Гаяз Исхаки (культурно-просветительный отдел) и Хайруниса Фаизова (хозяйственный отдел). Общество объединяло около 60 членов: студентов, курсисток, коммерсантов. По этнической принадлежности среди его членов были татары (как казанские, так и крымские, польско-литовские и др.), азербайджанцы, узбеки и казахи.

Показательна тематика докладов и сообщений, которые делались на заседаниях данного общества. Среди выступавших был публицист Ахмед-бек Цаликов, который в своем докладе «Ислам и другие религии» указывал на повышенный интерес к мусульманам, вызванный мировой войной, и отмечал господство в русском обществе устарелых и искаженных представлений об исламе как об агрессивной, нетерпимой религии. На заседаниях общества также выступили студент Коммерческого института Шайхулла Алкин – с докладом о поволжских татарах, истории Поволжья и запросах мусульман в России; присяжный поверенный и бывший член Государственной думы Садри Максуди – о законодательстве относительно школ российских мусульман; врач Хубабад Гаджи-Гасанский – об условиях развития хлопководства в Туркестане и Закавказье; врач Джевад Оруджиев – о тифе и опустошениях, производимых тифом во время войн.

Формирующаяся в начале XX в. татарская интеллигенция в рамках многочисленных мусульманских научно-просветительских и культурно-благотворительных организаций обращалась к национальной истории и культуре, а также к актуальным политическим проблемам, что выступало важным фактором национальной мобилизации. Таким образом, два фактора в тех обстоятельствах являлись факторами объединения отдельных групп формирующейся татарской нации: религиозное единство и растущее национальное самосознание. В первой четверти XX столетия эти два фактора приобрели необычайную актуальность и важность.

¹³ Утро России. 1914. № 264.

Следует отметить также важную роль политических и социальных катаклизмов (мировая война, революции и гражданская война), выполнявших катализирующую и интегрирующую функции. Впрочем, эта интеграция носила вынужденный (или принудительный) характер. В период Первой мировой войны (1914–1918) многие видные представители польско-литовской татарской общины вместе с семьями оказались в потоке беженцев в столицах (Петрограде или Москве) и даже во «внутренних губерниях» (в Казанской, Уфимской и Оренбургской губерниях) России. В татарской прессе периода мировой войны стали появляться заметки о том, что западные единоверцы нуждаются в поддержке и разносторонней помощи; как материальной, так и моральной¹⁴. Подобными делами занимались разнообразные мусульманские благотворительные общества. Помимо этого, создавались специальные Комитеты помощи беженцам-мусульманам. Впрочем, в татарских периодических изданиях появлялись и критические в отношении литовских мусульман заметки: они не знают татарского языка и вообще «плохие» мусульмане, поскольку имеют весьма смутные представления об обрядах и религиозных догмах. Эти обстоятельства, правда, были восприняты как возможность оказать помощь единоверцам в получении необходимых знаний. В этом отношении показательна статья, которая появилась в оренбургском журнале «Дин ва магыйшат» («Религия и жизнь»), где речь шла о беженцах-мусульманах, оказавшихся к зиме 1915 г. на Урале. Автор заметки отмечал, что беженцы открылись местным татарам с совершенно неизвестной стороны: мы полагали, писал автор заметки, что они являются нашими братьями-мусульманами, но они, по сути, не знают языка, не имеют представления о том, что такое намаз, и не посещают мечеть. Наша задача – обучить их религии, сделать из них «настоящих мусульман»¹⁵.

ЭПОХА РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В период революции фокус внимания от научно-просветительских вопросов переместился в сторону общественно-политических проблем. Поэтому не случайно, что мы встречаем имя Джемиля Александровича среди членов т. н.

¹⁴ Появление беженцев также активизировало познавательный интерес к ним. В это время в татарской прессе появляются заметки о польско-литовских татарах, об их происхождении, истории и культуре. Подробнее см.: *Габдулла аль-Магази*. Польша мөселманлары хакында // Дин вә мәгыйшат. 5 декабря 1915. № 47, с. 738. Аналогичные статьи появляются и в азербайджанской прессе: *Хаджи-Селим Казим-Заде*. Литва мөселманлары // Ени Икбал. Баку, 1915. № 541, 542, 543.

¹⁵ Подробнее см.: Польша мөселманлары хакында // Дин вә мәгыйшат. 5 декабря 1915. № 47, с. 742.

Мусульманского народного комитета в Москве (МНКМ)¹⁶. 3 марта 1917 г. московские мусульмане, после торжественной молитвы в соборной мечети, организовали большой митинг, участие в котором приняли около 15 тысяч человек. Помимо приветствия новой власти (Временное правительство и Временный комитет членов Государственной думы), митинг делегировал Гаяза Исхаки, Фахрислама Агеева и Джемиля Александровича своими представителями (т. е. от мусульманской общественности) в состав Временного комитета общественных организаций Москвы. Следующее многолюдное собрание мусульманской общности г. Москвы прошло 6 марта 1917 г. Среди участников этого собрания были: Джемилъ Александрович, Уллубей Буйнакский, Фахрислам Агеев, Гаяз Исхаки, Константин Якубовский, Мамед-Ашим Ахундов, Н. Мусаев, Габдуллатиф Байтеряков, Мустафа Тюменев, Хубабад Гаджи-Гасанский. Именно это собрание и учредило Мусульманский народный комитет в Москве (МНКМ), в руководящий состав которого вошли Гаяз Исхаки (председатель), Фатых Ялышев (секретарь), Абдулла Бурнашев (казначей, банковский служащий), Хусаин Ишмаметов, Ибрагим Карамышев, Хусаин Байбеков (купцы), Ахметбек Цаликов (литератор). МНКМ пользовался большой поддержкой среди мусульман Москвы, жертвовавших на его деятельность значительные суммы. В общей сложности с марта по декабрь 1917 г. МНКМ было собрано более 53 тысяч рублей, большая часть которых была потрачена на издание газеты «Иль», а также угощения во время религиозных праздников, помощь нуждающимся, беженцам и военнопленным и пр. МНКМ был ликвидирован в марте 1918 г.

После разгрома национального движения и в период гражданской войны Дж. Александрович, в числе многих активных участников мусульманского движения, оказывается на окраинах бывшей Российской империи: весной 1920 г. мы встречаем его имя среди членов земской управы Ялтинского уезда, а в середине 1920-х гг. – среди научных сотрудников Общества по изучению и исследованию Азербайджана. В качестве сотрудника этого Общества он опубликовал ряд научных статей как по истории и культуре польско-литовских татар, так и по культуре Азербайджана¹⁷. В структуре этого Общества Дж. Александрович входил

¹⁶ *Исхаков С.* Мусульманский народный комитет в Москве // *Ислам в Москве: энциклопедический словарь.* Москва, 2008, с. 170.

¹⁷ *Александрович-Насыфи Дж.* Литовские татары. Краткий историко-этнографический очерк // *Известия Общества обследования и изучения Азербайджана.* Баку, 1926. № 2, с. 77–95; *Александрович-Насыфи Дж.* Литовские татары как часть тюркского Востока // *Известия Общества обследования и изучения Азербайджана.* Баку, 1927. № 4, с. 147–164; *Александрович-Насыфи Дж.* Девичья башня в Баку // *Известия Азкомстарис.* Баку, 1927. Вып. 3. В состав Общества обследования и изучения Азербайджана в эти же годы входил известный татарский историк Газиз Губайдуллин, чьи статьи встречаются в этих же выпусках «Известий» за 1926–1927 гг. Подробнее см.: Газиз Губайдуллин. Научно-биографический сборник. Казань, 2002.

в Центральный совет¹⁸. Помимо этого, в 1925–1928 гг. он являлся заместителем председателя Азербайджанского археологического комитета¹⁹. В начале 1930-х гг. Дж. Александрович переезжает в Среднюю Азию, где следы его теряются.

После Февральской революции 1917 г., в условиях подъема национально-го движения, в стране создаются многочисленные национальные организации. Часть их носила общемусульманский характер, другие – более узконациональный или территориальный. В их числе был и «Союз татар Польши, Литвы, Белоруссии и Украины»²⁰, объединивший представителей общины польско-литовских татар в Петрограде (значительно возросшей в годы Первой мировой войны за счет притока беженцев из оккупированных германскими войсками западных областей Российской империи). В Центральный комитет Союза входили Александр Матвеевич Ахматович²¹ (президент), Абрахам Мицкевич и Александр Мухарский²² (вице-президенты), Леон Кричинский (секретарь), Исмаил-Самуэль Александрович, Александр Александрович Александрович, Богдан Ахматович, Юзеф Базаревич, Михаль Полторжицкий, Александр и Мустафа Якубовичи. Согласно уставу (§ 5), членами Союза могли быть мусульмане без различия национальности. Члены Союза принимали активное участие в политической жизни мусульман России. От имени Союза его председатель А. М. Ахматович вошел в состав Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского союза (Искомус / Милли шуро), участвовал во всех съездах и заседаниях Искомуса, стремящегося защитить политические, культурные и духовные интересы 30-миллионного мусульманского населения России. В январе 1918 г. мусульманская делегация под руководством Александра М. Ахматовича доставила в Уфу Коран Османа²³. Военную охрану осуществил «сводно-гвардейский мусульманский

¹⁸ *Kryczyński L. Tatarzy polscy a Wschód muzułmański // Rocznik Tatarski. Zamość, 1935. Т. II, s. 88.*

¹⁹ Подробнее см.: Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1925. № 1, с. 128.

²⁰ Устав Союза татар Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. Петроград, 1917; *Заббаров Х.* На собрании литовских татар. Впечатление крымского делегата // Известия Всероссийского мусульманского совета. 5 октября 1917. № 14; *Голос татар (Симферополь).* 19 марта 1917. № 5; *Kryczyński L. Tatarzy polscy a Wschód muzułmański // Rocznik Tatarski. Zamość, 1935. Т. II, s. 78–80; Усманова Д.* Союз татар Польши, Литвы, Белоруссии и Украины // *Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь.* Москва, 2009, с. 216–217.

²¹ Биографию Александра Матвеевича Ахматовича (1865–1941?) подробнее см.: *Усманова Д.* Документы по истории польско-литовских татар из архива Литвы. Братья Ахматовичи // *Гасырлар авазы – Эхо веков.* 2008. № 1, с. 126–141; *Якубаускас А.* Александр Матвеевич Ахматович // *Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А.* Литовские татары в истории и культуре. Каунас, 2012, с. 241.

²² Другой член ЦК Александр Мухарский был делегирован в Крым, где принимал активное участие в политической жизни крымских татар, участвовал в работе крымско-татарского парламента (Курултай), редактировал русскоязычную газету «Крым», состоял членом органов самоуправления крымских татар.

²³ *Kryczyński L. Tatarzy polscy a Wschód muzułmański // Rocznik Tatarski. Zamość, 1935. Т. II, s. 78.*

полк» во главе с капитаном Александром Тальковским. Делегация состояла из Александра М. Ахматовича, известного гидрографа, исследователя Ледовитого океана генерал-майора флота Исламова, мичмана И. МаксUTOва и вдовы бывшего депутата Государственной думы Амины Сыртлановой, а также прикомандированных к делегации поручиков гвардейской артиллерийской конницы под руководством офицера Ибрагимова (куда входили сыновья А. М. Ахматовича поручики Константин и Александр Ахматовичи). В Уфе делегацию с Кораном Османа встретили Ибнйямин Ахтямов, Салим-Гирей Джантюрин, Кутлуг-Мухаммед Тевкелев, члены муфтията. На следующий день после прибытия делегации в Уфу состоялась торжественная передача мусульманской реликвии, сопровождавшаяся речами с обеих сторон. После этого делегация вернулась в столицу. Союз был фактически запрещен большевистской властью весной 1918 г. Вскоре многие его организаторы и лидеры, представители польско-литовской общины, покинули бывшую столицу Российской империи, оказавшись первоначально в Крыму или на Кавказе, а позднее вернувшись на родину в Вильно, Варшаву, Гродно и др.

После окончания гражданской войны и создания самостоятельного польского государства начинается процесс возвращения на свою малую историческую родину многих татар, выходцев из Западного края. Как писал в своем историко-этнографическом очерке Джемилъ Александрович, «литовские татары, где бы они ни находились, очень дорожат связью с родиной и с родной колонией; с обычаями и воззрениями, воспринятыми с детства, они расстаются крайне неохотно <...> Сознание духовной общности с Востоком не раз толкало их на переселения, главным образом, в Турцию, но так как литовские татары за длительный период своего существования в Литве прекрасно приспособились к борьбе за существование в условиях западной жизни, то всякая попытка к эмиграции на Восток оканчивалась до сих пор неудачей; даже европейская война, выбросившая их из насиженных гнезд и заставившая большую часть литовских татар жить долгое время на положении беженцев, не помешала тому, что огромное большинство их вернулось на родину, где колонии снова возродились, частью из развалин и пожарищ, чтобы продолжать свое существование там, где они возникли четыреста или пятьсот лет тому назад»²⁴.

²⁴ Александрович-Насыфи Дж. Литовские татары. Краткий историко-этнографический очерк // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926. № 2, с. 94–95.

ТАТАРЫ В НЕЗАВИСИМОЙ ПОЛЬШЕ, ЛИТВЕ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНА ЛИ КОММУНИКАЦИЯ?

Революция и последовавшая за ней гражданская война привели к гибели российской государственности, а на обломках рухнувшей империи возникло несколько самостоятельных государств: Советская Россия (и в ее составе Белорусская республика), Литва и Польша. Польско-литовские татары оказались разделенными между этими новыми государствами. Иногда целые семьи были разделены новыми государственными границами. С обретением поляками независимости в состав нового государства вошел Вильно с окрестностями, где проживало значительное количество литовских татар. Таким образом, новой родиной для литовских татар стала Польша.

В конце 1920-х гг. столица независимой Польши – Варшава – стала центром притяжения и новой родиной для многих политэмигрантов. Польские города со значительным мусульманским населением (Варшава, Вильно и пр.) периодически посещают видные эмигранты тюркского происхождения: Гаяз Исхаки, Заки Валиди, Джафер Сейдамет, Гумер Терегулов, Акдес-Нигмат Курат, Вассан-Гирей Джабаги и др.²⁵ В 1930 г. по инициативе польского правительства под эгидой МИДа создается организация «Прометей», объединявшая политэмигрантов с национальных окраин бывшей Российской империи (Азербайджан, Грузия, Волго-Уральский регион, Дон, Крым, Украина, Туркестан и пр.). Волго-уральский регион в этой организации представлял Гаяз Исхаки.²⁶ В течение 1930-х гг. он активно занимался организационной и пропагандистской деятельностью. В начале 1936 г. выступал на конгрессе организации «Прометей», состоявшемся в Варшаве²⁷. Организация просуществовала до осени 1939 г., т. е. до нападения Германии на Польшу, когда члены комитета были вынуждены спешно покинуть Варшаву²⁸. Гаяз Исхаки не только представлял поволжских татар, но и пытался наладить и

²⁵ *Kryczyński L.* Historia meczetu w Wilnie. Próba monografii. Warszawa, 1937. Г. Исхаки и Г. Терегулов принимали участие в работе 1-го Всепольского съезда культурно-просветительских организаций татар Речи Посполитой (26 декабря 1928 г.). Помимо этих «знаковых имен», литовско-татарские авторы упоминали и других выходцев из Волго-Уральского региона, которые в годы войны осели в Литве, усилив, таким образом, «азиатские расовые элементы» среди польско-литовских татар. Подробнее см.: *Kryczyński S.* Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej. Warszawa, 1938.

²⁶ Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жыентык. Казань, 2011.

²⁷ Варшавада Прометей миллэтларнең конгрессы. Гаяз эфэнде тарафыннан укылган мәғрузадан өзөмтәләр // Яңа милли юл. 1936. № 9 (102), с. 20–23.

²⁸ В конце 1939 г., оказавшись в Турции, Г. Исхаки пишет воспоминания о последних днях пребывания на польской земле членов бюро организации «Прометей». Подробнее см.: *Исхакий Г.* Польшадан китү // Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жыентык. Казань, 2011, с. 104–135.

активизировать деятельность национальных и религиозных объединений, занимался распространением мусульманской прессы и пр.²⁹

1920–1930-е гг. в истории польско-литовских татар стали самыми благоприятными десятилетиями в плане относительно свободного развития их культурно-национальной и религиозной жизни. В это время проводятся общепольские съезды, на которых обсуждаются вопросы религиозного и культурного плана, создается муфтият (располагавшийся в г. Вильно) как центр религиозной жизни польско-литовских мусульман, активно обсуждаются планы строительства новых мечетей, в том числе и в Варшаве; возрождаются национальные воинские формирования, издаются собственные периодические издания (ежегодники и несколько журналов), работает культурно-просветительское общество, проводятся регулярные встречи и в рамках культурных мероприятий читаются публичные лекции. В многочисленных работах того времени Леон Кричинский неизменно подчеркивал тесные контакты и духовное единство (как и единство национальных интересов) российских мусульман³⁰.

Один из наиболее интересных примеров интегрированности казанских татар в жизнь мусульманской общины Литвы и г. Вильно представляет собой Гаян Ваисов (17.02.1882 – 1940?) – один из сыновей Багаутдина Ваисова, основателя т. н. ваисовского движения³¹. Гаян Ваисов родился в с. Татарская Беденьга Симбирской губернии, где и проживал вплоть до Первой мировой войны, занимаясь хлебопашеством и выполняя функции муллы в деревенской староверческой общине (в начале XX в. она насчитывала около 135 человек). Члены общины вели свои собственные метрические книги, не платили многие налоги и пр. Именно в доме Ваисова располагался молитвенный дом общины как альтернатива официальной мечети. За свою деятельность он подвергался преследованиям властей и в 1910–1912 гг. отбывал тюремное заключение за участие в «создании и принадлежность к преступному сообществу».

²⁹ *Ishaki Ayaz*. Idel-Ural // *Wschód*. 1930, nr 4, s. 27–31; *Ishaki Ayaz*. Kongres muzułmański 1931 // *Wschód*. 1932, nr 7/8, s. 57–59; *Ishaki Ayaz*. Narodowe zadanie polskich Tatarów // *Rocznik Tatarski*. Wilno, 1932. T. I, s. 195–199.

³⁰ *Kryczyński L.* Historia meczetu w Wilnie. Próba monografii. Warszawa, 1937; *Kryczyński L.* Tatarzy polscy a Wschód muzułmański // *Rocznik Tatarski*. Zamość, 1935. T. II, s. 1–130.

³¹ Подробнее см.: *Усманова Д.* Ваисовцы в Литве // *Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai*. Sud. T. Bairašauskaitė, H. Kobeckaitė, G. Miškinienė. Vilnius, 2008. Specialusis „Lietuvos istorijos studijų“ leidinys. T. 6, p. 253–262; *Усманова Д.* Мусульманское «сектантство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. Казань, 2009, с. 108–109. Впоследствии, благодаря документам следственного дела Раузы Гаяновны Ваисовой, удалось уточнить некоторые неясные моменты.

С началом (?) Первой мировой войны, оставив в деревне жену с детьми, он, вероятно, уезжает на фронт. Период войны и двух революций (1914–1918) – самый туманный в биографии Г. Ваисова. Нет никаких документальных свидетельств о его деятельности в это время. Сложно установить, когда именно он покинул родную деревню. По косвенным сообщениям – Леон Кричинский называет его «политическим эмигрантом из Поволжья с довоенного времени»³² – можно предположить, что это произошло накануне или в ходе Первой мировой войны, либо непосредственно в революционные годы. Так или иначе, уже к началу 1920-х гг. Г. Ваисов оказывается на западе бывшей империи и оседает в Вильно, который в то время находился в составе Польского государства. В Вильно он женится вторым браком на еврейской женщине по имени Рахиль, которая, перейдя в ислам, принимает новое имя Райхана.

По-видимому, именно на деньги новой виленской жены была приобретена недвижимость и осуществлялась предпринимательская деятельность, поскольку собственного значительного капитала у Г. Ваисова не было: все его имущество – дом и небогатое хозяйство в д. Беденьга – оценивалось всего в 200 рублей (1909 г.). А уже в первой половине 1920-х гг. Ваисов являлся владельцем большой пекарни и кондитерской в центре Вильно (пекарня площадью 129 кв. м. располагалась по ул. А. Мицкевича /ныне пр. Гедимино/, д. № 42/26), а также имел кондитерский магазин и склады на окраине города, а за пределами Вильно – дом и мельницу. В 1922 г. им был приобретен очередной дом по ул. Черногорской /ныне ул. Викинто/, в предместье Вильно Зверинец /ныне микрорайон Жверинас/, который использовался в качестве загородной дачи.

В 1920–1930-х гг. Гаян Ваисов играл достаточно активную роль в жизни и самоуправлении виленской мусульманской общины (гмины). В частности, 28–29 декабря 1925 г. в Вильно состоялся 1-й Всепольский съезд делегатов мусульманских общин (гмин). На съезд прибыло 58 делегатов, представлявших 18 гмин. Среди делегатов оказался и Гаян Ваисов, который был избран членом комиссии, образованной для разработки и представления в Центральную раду (совет) культурно-просветительских организаций польско-литовских татар проекта Устава мусульманской религиозной организации в Польше. Примечательно, что в состав этой комиссии были избраны Александр Ахматович (старший), Адам

³² Небольшая цитата из сочинения Леона Кричинского буквально звучит следующим образом: «Политический эмигрант из довоенной России – Ходзя Мухаммад Гаян Ваисов из Идель-Урала – приехал в гостеприимный Вильно, где осел и смешался с нашими мусульманами, рассказал в Рочнике о движении Ваисова и ваисовцев, которые имели сторонников также и в среде литовских татар». Подробнее см.: *Kryczyński L. Tatarzy polscy a Wschód muzułmański // Rocznik Tatarski. Zamość, 1935. T. II, s. 116.*

Мирза-Мурзич, Али Полторжицкий. На этом же съезде была объявлена автономия (автокефалия/самостоятельность) польско-литовских мусульман (которые до революции 1917 г. входили в состав Российской империи и в организационном плане находились в ведении Таврического магометанского духовного правления), а также избран муфтий Якуб Шинкевич и заместитель муфтия полковник Яков Романович³³.

Довольно тесные отношения у Г. Ваисова были, вероятно, с братьями Кричинскими. В частности, Г. Ваисов был привлечен к участию в издании первого тома «Рочника татарского», который был подготовлен Ольгердом и Леоном Кричинскими и издан в 1932 г. в Вильно. Для этого тома им была написана статья о контактах ваисовцев с Львом Толстым³⁴. Также в 1932 г. Гаян Ваисов во время поездки по Турции с целью отдыха и лечения встречался с представителями ряда стамбульских изданий, дав подробное интервью о жизни польских мусульман³⁵. В 1932 г. (14 февраля) имя Г. Ваисова встречается в числе членов правления мусульманских религиозных общин (гмин) в Польше. В правление входили также Леон Кричинский (президент), Богдан Ахматович (секретарь), Александр Эляшевич и Ян Лебедзь (казначей)³⁶. Гаян Ваисов вышел из состава правления (по личным причинам) в августе 1936 г.³⁷ Возможно, эта отставка косвенно была связана с попытками Гаяза Исхаки усилить свое влияние в мусульманской среде Польши и заменить муфтия Якоба Шинкевича своим сторонником – Ваисовым, поскольку, по мнению Гаяза Исхаки, Якуб Шинкевич, будучи польско-литовским татаринном, плохо представлял себе истинное положение и религиозные чаяния большинства мусульманского населения в СССР³⁸.

В 1930-х гг. Г. Ваисов не стоял в стороне от общественных дел. Он входил в руководство религиозных организаций польско-литовских мусульман, также занимался благотворительностью, оказывал отдельным людям материальную помощь. Судя по сообщениям журнала «Татарская жизнь», в 1934 г. он профинансировал жившим в Варшаве Абдул-Деяну и Омару Эксановым поездку с целью обучения в медресе г. Сараево; в том же году оплатил виленскому имаму Али

³³ Rocznik Tatarski. Wilno, 1932. T. I, s. 321–322.

³⁴ Wajsow Chodzja Muchammed Gajan. Wajsow, wajsowcy i stosunek do nich Lwa Tolstoja // Rocznik Tatarski. Wilno, 1932. T. I, s. 215–222.

³⁵ Kryczyński L. Tatarzy polscy a Wschód muzułmański // Rocznik Tatarski. Zamość, 1935. T. II, s. 123–124.

³⁶ Rocznik Tatarski. Zamość, 1935. T. II, s. 330; Kryczyński L. Historia meczetu w Wilnie. Próba monografii. Warszawa, 1937.

³⁷ Życie Tatarskie. 1937, nr 2, s. 21.

³⁸ Гайнетдинов Р. Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы. Исторический очерк. Набережные Челны, 1997, с. 92.

Вороновичу расходы на дорогу в Каир для продолжения учебы в знаменитом медресе аль-Азхар³⁹. В 1939 г. пожертвовал 10 золотых на воссоздаваемый в составе польской армии татарский полк уланов⁴⁰. Это лишь те немногие случаи, которые были освещены прессой.

Судя по косвенным данным, Гаян принципиально не участвовал в работе культурно-просветительских организаций и союзов польско-литовских татар, сотрудничая преимущественно с религиозными объединениями. Можно предположить, что он по-прежнему не принимал этнонима «татары», по возможности, дистанцируясь от любых союзов и объединений под подобным наименованием. В то же время, активное участие в религиозной жизни создало ему довольно широкую известность среди мусульман, что вкупе со значительным состоянием предопределило печальную судьбу в период советской оккупации.

Покидая родную деревню, Г. Ваисов оставил на родине мать (Биби-Гайни-Джамал Ваисову), жену (Хасанову Разию Асадуллохну) и пятерых детей: двоих сыновей (Назыфа и Асафа) и трех дочерей (Фариду, Бану и Раузу). По словам Раузы, Гаян Ваисов уехал из родной деревни еще до рождения младшей дочери. Поскольку Рауза родилась в деревне Беденьга в 1916 г., он должен был покинуть родину не ранее конца 1915 – начала 1916 г.⁴¹

После того как Гаян обосновался в Вильно и встал на ноги (прежде всего в материальном плане), он «выписал» к себе детей. В 1921–1922 гг. трое старших детей (два сына, Назыф и Асаф, а также дочь Фарида) переехали к отцу в Вильно, тогда как младшие дочери (Бану и Рауза) остались вместе с матерью. Хотя это были страшные голодные годы, его мать и первая жена категорически отказались покинуть родную деревню. Таким образом, дети оказались поделенными между бывшими супругами. Вплоть до середины 1930-х гг. Гаян Ваисов регулярно помогал своим близким, оставшимся в России, посылая им продукты и деньги, поддерживал с ними активную переписку. Эти контакты осуществлялись, как правило, по легальным каналам. С началом в Советской России полосы массовых репрессий контакты были прекращены, а связь с родными была утеряна.

³⁹ *Życie Tatarskie*. 1934, nr 3. Кроме того, в 1933 г. он посетил Сараево, когда им были получены гарантии, что представители польских мусульман будут охотно приняты в медресе им. Хусрева Бегова. Подробнее см.: *Гришин Я.* Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). Казань, 1995, с. 113. Эти сведения были почерпнуты, вероятнее всего, из исследований Али Мискевича. Подробнее см.: *Miskiewicz A.* *Tatarzy polscy*. 1918–1939. Warszawa, 1991.

⁴⁰ *Życie Tatarskie*. 1939, nr 3, s. 24.

⁴¹ Государственный архив административных органов Свердловской области, ф. Р-1, оп. 2, д. 20138. Дело по обвинению Ваисовой Раузы Гаяновны по ст. 58-10 ч. 1. УК РСФСР. Подробнее см.: *Усманова Д.* Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк старовер-мусульман». 1862–1916 гг. Казань, 2009.

Сразу же после советской оккупации стран Балтии (1940), по сведениям внучатых племянников, Гаян Ваисов был репрессирован, а все его немалое имущество национализировано. Однако если факт конфискации и национализации имущества в 1940 и 1951 гг. подтверждается документально, то факт ареста и расстрела Гаяна Ваисова не совсем прояснен. Сведений о том, как сложились судьбы переехавших в Вильно детей Гаяна также чрезвычайно мало. Судя по скудным данным, один из сыновей (вероятнее всего, Назыф) в первой половине 1930-х гг. учился в университете в Бельгии, тогда как Асаф занимался вместе с отцом предпринимательской деятельностью. С приходом в страны Балтии советских войск начались массовые репрессии. Согласно спискам арестованных, хранящимся в Особом архиве Литвы (*Lietuvos ypatingasis archyvas*), 13 июля 1940 г. был арестован некий Ваисов Ходзя-Мухаммед Асов (*sic*) Гаянович, родившийся 15 сентября 1908 г. в г. Сулино (Туркестан). Накануне ареста он проживал в Вильно (проспект Гедимино, 42/26) и являлся владельцем пекарни⁴². Однако ни протоколов допросов, ни личного дела, ни иных свидетельств о последующей судьбе этого человека в Особом архиве Литвы обнаружить не удалось. Более того, в сводном списке арестованных за октябрь 1940 г. данные об Асафе Ваисове не встречаются. Проживающие в настоящее время в Вильнюсе внуки Гайнана (т. е. внучатые племянники Гаяна) также не располагают никакими сведениями о детях Гаяна.

Исходя из скудных сведений, сохранившихся в Особом архиве Литвы в отношении Ваисовых, сложно однозначно утверждать, какова была судьба самого Гаяна, также как его детей, принявших польское подданство и оказавшихся на оккупированной советскими войсками территории Литвы. Эти вопросы пока остаются без ответа, а обстоятельства вероятной смерти Гаяна Ваисова в 1940 г. нуждаются в дальнейшем изучении: было ли это самоубийство (а такие сведения имеются) или же его (или же, возможно, его сына Асафа?) расстреляли представители новой власти? Материалов, проливающих свет на эти вопросы, в доступных архивах обнаружить пока не удалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя краткий итог историческому обзору контактов волго-уральских и польско-литовских татар в первой трети XX столетия, можно отметить следующие очевидные тенденции. Обширность территории империи и слабая мобильность населения являлись наиболее важными факторами, препятствовавшими уста-

⁴² Lietuvos ypatingasis archyvas, f. K-1, ap. 8, b. 3, l. 8, 28.

новлению тесных и долговременных контактов внутри мусульманской уммы России. Ситуация меняется кардинально с началом Первой мировой войны, когда вынужденные бежать с земель, оккупированных врагом, западные татары оказываются в восточных областях империи и знакомятся со своими единосверцами в этих регионах. Эти процессы еще более усиливаются и получают новый импульс в период революций и гражданской войны. В итоге, мы видим, что татары, выходцы из западных областей империи (Леон Кричинский, отец и сын Ахматовичи, Матвей Сулькевич и др.), активно включаются в общественно-политическую жизнь российских мусульман. Они играли заметную роль в национальном движении на общеимперском уровне, участвовали в создании национальных государственных образований: татарской автономии в Крыму, независимого азербайджанского государства на Кавказе, попытках создания самостоятельного государства в Волго-Уральском регионе. В 1920–1930-е гг. многие из них возвращаются на родину, где оседают и некоторые вынужденные эмигранты из числа волго-уральских татар. С образованием самостоятельных государств, проводящих подчас недружественную друг к другу политику (Советская Россия и Польша), нормальная коммуникация между отдельными регионами бывшей единой империи становится практически невозможной. Однако в рамках Польского государства, включавшего в себя часть литовских земель и г. Вильно, в жизни мусульманской общины важную роль играли не только польско-литовские татары, но и выходцы из восточных областей империи (Гаяз Исхаки, Гаян Ваисов и др.).